

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ НАЧАЛА КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL BASIS OF THE QUALIFICATION OF CRIME

МАРЧУК В.В.,

доцент кафедры уголовного права юридического факультета
Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук
v.marchuk@tut.by

Философско-методологические начала (принципы) квалификации преступления автор обосновывает в онтологическом, аксиологическом и гносеологическом аспектах философского знания. Особое внимание уделено принципам смысловой определенности, когнитивизма и эвиденции. Процесс понимания и интерпретации в процессе квалификации преступления рассмотрен в рамках герменевтической парадигмы познания. Дано расширенное определение квалификации преступления. В статье обосновывается место квалификации преступления в ракурсе философской концепции темпоральной онтологии права.

Philosophical and methodological basis (principles) of the qualification of crime the author grounds in the ontological, epistemological and axiological aspects of philosophical knowledge. Special attention is given to the principles of the sense certainty, cognitivism and evidention. The process of understanding and interpretation in the process of the qualification of crime considered is as part of the hermeneutic paradigm of cognition. The author gives an extended definition of qualification of the crime. In the article he also justifies the place of the qualification of crime from the perspective of the philosophical concept of temporal ontology of law.

Ключевые слова: методологические основы квалификации преступлений, принципы квалификации преступлений, понятие квалификации преступлений, философско-методологические начала квалификации преступлений, концепция темпоральной онтологии права, темпоральные основы квалификации преступления.

Keywords: methodological bases of the qualification of crimes, principles of the qualification of crimes, concept of the qualification of crimes, philosophic and methodologic basics of the qualification of crimes, concept of the temporal ontology of law, temporal bases of the qualification of a crime.

ВВЕДЕНИЕ

Любое специальное учение должно базироваться на определенных методологических предпосылках, выработанных философией. На важность основополагающих философских начал в праве обращают внимание многие авторы. В частности, белорусский ученый В.М.Хомич отмечает: «Основной постулат философского подхода к праву заключается в существовании высших, не зависимых от государства норм и принципов, олицетворяющих разум, справедливость, объективный порядок человеческих и общественных ценностей, которые наряду с нормативами, установленными государством (законодателем), действуют или должны действовать напрямую. В этом ключевой момент верховенства права. Сказанное имеет самое непосредственное отношение к методологии уголовно-правовой доктрины. По нашему мнению,

в методологическом отношении наука уголовного права не дорабатывает в рациональной и объективной оценке исходных потенциальных начал, которые заключают в себе собственно уголовное право» [1, с. 658–659].

Этот вывод, несомненно, относится и к теории квалификации преступления. Однако возникает вопрос о том, на каких философских началах (идеях) должна основываться теория квалификации преступления. Основоположник советской теории квалификации преступлений В.Н.Кудрявцев в качестве философской основы квалификации преступления рассматривал диалектический метод познания и гносеологическую природу процесса применения уголовно-правовой нормы к конкретному случаю в основном видел в соотношении философских категорий единичного и общего [2, с. 43–48; 3, 33–38]. Следует заметить, что в последних

УГОЛОВНОЕ ПРАВО. КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

работах, посвященных общим вопросам квалификации преступления, исследователи стараются обойти вопрос о философской основе квалификации преступления. Объясняется это, видимо, проявившимся в последние десятилетия критическим, а иногда и откровенно негативным отношением к материалистической диалектике. Вместе с тем в современных условиях вопрос о философской основе любой познавательной деятельности, в том числе и в процессе квалификации преступления, представляется как теоретический интерес в контексте познания отдельных сущностных принципов и признаков понятия квалификации преступления, так и практический интерес в части разработки методик уголовно-правовой оценки совершенных общественно опасных деяний. Использование философских подходов имеет особое значение и применительно к квалификации преступлений в контексте познания темпоральной структуры правовых ситуаций.

В философии права принципы правоприменительной деятельности в настоящее время многие авторы стали рассматривать с позиции идей интегративной юриспруденции, основанной на взаимопроникновении средств, методов и идей различных отраслей знания, необходимости понимания правовой реальности с точки зрения плюрализма правовых идеологий и синтеза методологий научного познания. Приверженцы интегративного подхода к пониманию права «направляют свои усилия на поиск того узла, где параллельные пересекаются, где сходятся даже в разные стороны уходящие прямые» [4, с. 128]. С учетом интегративного подхода к правопониманию в современной правовой культуре процесс квалификации преступления есть основания рассматривать с позиции принципов, которые обусловлены основными аспектами философского знания: онтологическим, аксиологическим и гносеологическим. При этом указанные аспекты философского знания есть основания рассматривать не только с позиции классической, но и неклассической (постклассической) методологии познания правовой реальности [5].

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В онтологическом аспекте философия рассматривает фундаментальные идеи бытия. Одно из таких важных положений в философии – это детерминизм, который является не только самостоятельным философским учением, но и

философско-методологическим принципом, объясняющим наличие универсальной и закономерной связи и обусловленности между явлениями. *Принцип детерминизма* является одним из наиболее выраженных интенций познания, явно или косвенно участвующим в регуляции поиска [6, с. 310]. Согласно принципу детерминизма каждое явление, событие имеет свою причину, то есть порождается другим событием, явлением. Простейшая форма причинности – элементарная причинная связь характеризуется следующими основными чертами: последовательность во времени (причина предшествует следствию); отношение порождения (причина генетически обуславливает возникновение следствия); необратимость (если причина есть причина следствия, то следствие не может быть причиной причины); необходимость и всеобщность (одна и та же причина в одних и тех же условиях с необходимостью порождает одно и то же следствие). Значение этого принципа в процессе квалификации преступления, связанного с наступлением послед-

ствия, известно всем правоведам.

Также в онтологическом аспекте есть основания вести речь и о *принципе смысловой определенности*, который предполагает сведение возможного множества значений к единому концепту понимания. В контексте квалификации преступления смысловая определенность касается, прежде всего, терминологии уголовного закона. Единое понимание смысла нормы уголовного закона при ее применении может быть достигнуто только в том случае, если формирование (создание) соответствующей нормы будет основано на адекватном понимании его терминов. Следует также понимать, что уголовный закон должен однозначно восприниматься не только законодателем и лицами, применяющими уголовный закон, но и гражданами, которым он непосредственно адресован.

Таким образом, в онтологическом аспекте квалификация преступления выражается в том, что правоприменитель воспринимает, исследует и интерпретирует имеющиеся фактические данные в их взаимосвязи, приписывая соответствующим обстоятельствам уголовно-правовое значение. При этом понятий факт реальной действительности логически рационализируется в соотношении с уголовно-правовой нормой, устанавливающей общий запрет на соответствующее поведение.

Важным для квалификации преступления является аксиологический аспект правоприменения. Аксиология (от греч. *axia* – ценность

Автор рассматривает квалификацию преступления в контексте основных аспектов и принципов философского знания.

и *logos* – учение) – философская дисциплина, исследующая категорию «ценность», характеристики, структуры и иерархии ценностного мира, способы его познания и его онтологический статус, а также природу и специфику ценностных суждений [6, с. 25–28]. В философии права аксиологии отводят задачу определения правовых ценностей, их признаков, свойств, значению в жизни человека [7, с. 175–215]. На методологическом уровне рассматриваемый аспект есть основания рассматривать с позиции принципов когнитивизма и эвиденции.

В соответствии с *принципом когнитивизма* сознание может быть сведено к знанию и познанию, что в юриспруденции проявляется в использовании эпистемологических концептов (например, истина) для постановки и решения аксиологических по своей природе проблем [8, с. 53]. Познавательная деятельность человека (когниция) характеризуется его умением ориентироваться в мире и понимать этот мир.

Действие принципа когнитивизма обусловлено объяснением и пониманием. При этом в рамках герменевтического дискурса аксиологический аспект в квалификации преступления отражает социально-правовую оценку созданного концепта практического применения уголовного закона. При квалификации преступления понимание редуцируется в применении уголовного закона. Уполномоченное лицо в этом случае констатирует в процессуальном решении наличие соответствия между понятыми им фактическими обстоятельствами дела и понятой им уголовно-правовой нормой. «Практическое» понимание, выраженное в применении уголовного закона, кроме того, свидетельствует о направленности уголовно-правовой охраны в господствующей в обществе системе ценностей. Герменевтические процедуры и приемы формируют специфику правового мышления. Они определяют социальный характер понимания и социальную роль субъекта правоприменения. Правовое мышление в процессе квалификации преступления выступает в качестве особой схемы смыслополагания: от понимания к применению [9, с. 141–148].

Важно отметить, что в аксиологическом плане квалификацию преступления следует рассматривать как *социально-правовую оценку* преступления. Этот важный аксиологический (ценностный) аспект отмечают лишь немногие ученые, выделяя в квалификации преступления не только сугубо юридический, но и социальный момент. Например, П.Ф.Гришанин к содержанию квалификации преступления относит социальную и юридическую оценки. «Социальная оценка выражается

в установлении того, является ли совершенное лицом деяние столь общественно опасным, чтобы его считать с точки зрения уголовного закона преступным. Юридическая оценка выражается в определении нормы Особенной части УК, предусматривающей совершенное лицом преступление. Социальная оценка позволяет провести отличие преступления от иного правонарушения» [10, с. 52]. Таким образом, социальная оценка имеет своим объектом материальный признак преступления. В рамках социальной оценки правоприменитель решает вопросы квалификационно-разграничительно-го характера.

Принцип эвиденции (достоверности, очевидности) – основополагающий методический принцип феноменологии. Его сформулировал Э.Гуссерль, суть которого изложена в его работе «Логические исследования». Автор отмечает, что в ходе исследования нет оснований выносить суждение, если оно почерпнуто «не из эвиденции, не из опытов, в которых существующие вещи и положения вещей присутствуют для меня как они сами. Выяснением этой эвиденции, то есть изначальной достоверности, очевидности, и надо заняться прежде всего» [6, с. 276]. Разве не этим занимается следователь, выясняя круг фактических обстоятельств для целей правильной квалификации?

В философской литературе наиболее обстоятельно разработаны принципы, характеризующие гносеологический процесс. К основным из них еще в советский период относили принципы объективности, познаваемости, отражения, творческой активности субъекта познания, обобщения и абстрагирования, восхождения от абстрактного к конкретному, конкретности истины.

Принцип объективности означает, что объект познания существует вне и независимо от субъекта и самого процесса познания. Из этого положения следует методологическое требование – любой объект исследования надо принимать таким, какой он есть. Полученный результат исследования должен исключать любое проявление субъективности, ее претензию выдавать желаемое за действительное. Подобный подход воспринимается не только в материалистической диалектике, но и в современных неклассических интерпретациях. Так, М.С.Кунафин отмечает, что «в соответствии с неклассической интерпретацией принципа объективности роль интеллекта заключается в сохранении динамического равновесия между возможностями предметов и значениями слов. Мышление есть специальная функция языка для постоянного уточнения значений слов.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО. КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Трактовка предметной реальности как языковой приводит к неклассическому пониманию онтологического и гносеологического аспектов принципа объективности: «предметный мир существует вне нас и от нас не зависит» [11, с. 9].

Таким образом, объективность является одним из важнейших требований любого исследования, в том числе и осуществляемого в процессе квалификации преступления. Правоприменитель должен воздерживаться от своих пристрастий к объектам конфликтного уголовно-правового отношения: лицу, совершившему преступление, и деянию, которое было им совершено. Он также не должен быть заложником каких-либо конъюнктурных соображений, обусловленных реализацией мероприятий по борьбе с определенными видами преступлений (например, преступлений коррупционного характера).

В контексте герменевтически-феноменологического подхода [12] для реализации принципа объективности в процессе понимания и толкования уголовно-правовой нормы важное значение имеет разработанный М.Хайдеггером познавательный прием — «герменевтический треугольник». В процессе квалификации преступления правоприменителю для того, чтобы понять смысл текста уголовно-правовой нормы, необходимо перенестись в атмосферу времени принятия уголовного закона. И в этом смысле он должен размышлять в рамках понятий, действовавших в период принятия текста соответствующей уголовно-правовой нормы. Таким образом, в толковании текста нормы уголовного закона достигается историческая объективность.

Принцип познаваемости означает, что в процессе квалификации преступления у правоприменителя есть возможность получить знания о событии преступления. Трудности при реализации познания могут возникать только между тем, что познано и еще не познано. В процессе выяснения фактических обстоятельств дела у правоприменителя могут возникать сомнения, которые в рамках гносеологического отношения должны быть опровергнуты при отработке соответствующих версий квалификации совершенного преступления.

Принцип отражения рассматривают в философии как отображение оригинала с помощью образа. Соответствие образа оригиналу возможно, если каждому элементу образа однозначно соответствует элемент оригинала и каждому отношению между элементами образа соответствует отношение между элементами оригинала [13, с. 5–12; 14, с. 9–15]. Именно

этим занимается квалификатор, устанавливая соответствие между признаками совершенного преступления и признаками состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой.

Принцип творческой активности в процессе квалификации преступления определяет способность лица, осуществляющего квалификацию преступления, к выявлению целостной картины криминального проявления поступка человека. Герменевтическая процедура применения уголовного закона является кульминацией квалификации преступления. Она аккумулирует в себе жизненный опыт и интуицию квалификатора при установлении фактических обстоятельств дела, искусство понимания и толкования уголовного закона, юридические знания, правовую культуру.

Принцип обобщения и абстрагирования в гносеологии рассматривают как методологический ориентир на получение обобщенного образа объекта различной степени активности. Для квалификации преступления при обобщении полученных фактических данных и нормативной информации важное значение имеют разработанные в философии правила абстракции, анализа, синтеза, сравнения.

Принцип восхождения от абстрактного к конкретному предполагает, что между реальностью и ее мысленным воспроизведением находится особое промежуточное пространство, позволяющее редактировать мысленную конкретность на базе новых эмпирических данных; объяснять, а подчас и разрешать несоответствие, возникающее между абстрактным образом и конкретным объектом, демонстрировать «открытость» обобщенного образа по отношению к новой информации. Представляется, что в контексте герменевтически-феноменологического метода этот принцип обеспечивает и герменевтический круг, который на основе диалектики части и целого помогает для правоприменителя решить проблемы понимания при квалификации преступления.

Принцип конкретности истины в философии всегда рассматривается при наличии требований о существовании определенных гносеологических предпосылок. В процессе познания субъект пользуется не изолированными, а взаимосвязанными понятиями. Эта взаимосвязь осуществляется с помощью суждений и умозаключений. Благодаря этим логическим конструкциям, субъект познания, рассматривая проблемную ситуацию в качестве объекта познания, выстраивает свое гносеологическое отношение, что-либо утверждая относительно объекта или отрицая [15, с. 12–14].

В рамках категорического силлогизма суждение, положенное при квалификации преступления в основу малой посылки, будет истинным только в случае, если были установлены все обстоятельства преступления, совершенного в конкретном месте, времени и обстановке. Нельзя согласиться с мнением некоторых специалистов в сфере уголовного процесса о том, что постижение истины по уголовному делу связано только с процессом доказывания в рамках реализации норм уголовно-процессуального права. К примеру, З.В.Макарова пишет: «Включение в содержание истины, помимо совершенного деяния, его юридической оценки (квалификации) и наказания приводит к смешению гносеологической (познавательной) и аксиологической (оценочной) сторон доказывания. Юридическая оценка может быть изменена, отменена, как и наказание. С достоверно установленной истиной этого произойти не может. Кроме того, смешение сведений о совершенном деянии с оценочными суждениями о нем может привести к подмене установленных обстоятельств дела их квалификацией» [16, с. 101]. Т.В.Кленова видит в этом «процессуальный перекосяк» и, критикуя такой подход, совершенно справедливо отмечает, что «с точки зрения достоверности оцениваются не только процессуальные, но и уголовно-правовые выводы. Заключение о преступности деяния, как и установление события (фактических обстоятельств дела) должно быть единственно возможным, соответствовать тому, что имело место в действительности, чтобы считаться правильным. Установление события преступления и квалификация содеянного как преступления – это неразрывные части судебного познания» [17, с. 65].

С учетом указанных философских начал, а также изложенных автором ранее логических основ квалификации преступлений [18; 19], значимости для квалификации преступления принципа социальной справедливости и специальных принципов [20; 21] представляется возможным определить квалификацию преступления следующим образом: это осуществляемая по законам формальной логики и основанная на триединстве герменевтических процедур, основополагающих философско-методологических началах, принципе социальной справедливости, специальных принципах и правилах социально-правовая оценка общественно опасного деяния, которая характеризуется установлением и юридическим закреплением тождества выявленных признаков совершенного деяния признакам конкретного вида преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой.

С позиции философии права возникает вопрос о месте квалификации преступления в темпоральной структуре правовой реальности. В этом смысле интерес представляет предложенная украинским ученым А.В.Стовбой концепция темпоральной онтологии права, в соответствии с которой «право предстает как вызванное деянием человека и констеллирующей бытия правовое событие, которое порождает правовое бытие как «тягу» между совершенным деянием и его правовыми последствиями, вследствие чего все сущее, вовлеченное в такое событие, становится правовым, обретает правовой модус бытия» [22, с. 128]. Автор, опираясь на исследования М.Хайдеггера о временности понимания, рассматривает правовую ситуацию в контексте ее временной структуры. Он делает выводы о том, что «время задает целостность правовой ситуации через свою направленность», что «современность выступает как фундирующий момент для связи правды, правящего и направления», а «деяние есть «горизонт» правовой ситуации, который имманентно содержит в себе ее будущие возможности», что «прошлое и будущее как деяние и правовые последствия направлены навстречу друг другу, будучи связаны временем как горизонтом встречности» [23, с. 149–151].

С позиции концепции темпоральной онтологии права в рамках возникающих правовых ситуаций мы имеем дело с фактическим прошлым, в качестве которого выступает общественно опасное деяние, причинившее вред либо породившее угрозу причинения вреда правоохраняемым интересам. Правовые последствия совершенного деяния наступят в будущем в соответствующей форме и мере реализации уголовной ответственности. Для правоприменителя, решающего задачу по уголовно-правовой оценке содеянного, квалификация преступления в сложившейся правовой ситуации выступает настоящим, как ее «актуализация». Таким образом, в темпоральной структуре возникающих правовых ситуаций квалификация преступления является связующим звеном между прошлым (посягательством) и будущим (уголовной ответственностью). Такого рода временная развертка правовой ситуации показывает, что темпоральность в ее структуре проявляется не только в нормативных предписаниях о времени действия уголовно-правовой нормы, а в иных, не менее важных, положениях: временные границы совершения уголовно-противоправного деяния; правило преодоления темпоральной конкуренции уголовно-правовых норм; уголовно-правовые фикции, обусловленные сроками, установленными уголовным

УГОЛОВНОЕ ПРАВО. КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

законом (давность уголовного преследования, сроки погашения судимости и др.).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы.

1. В онтологическом аспекте квалификация преступления выражается в том, что правоприменитель воспринимает, исследует и интерпретирует имеющиеся фактические данные в их взаимосвязи, приписывая соответствующим обстоятельствам уголовно-правовое значение. При этом понятый факт реальной действительности логически рационализируется в соотношении с уголовно-правовой нормой, устанавливающей общий запрет на соответствующее поведение. основополагающими идеями в онтологии квалификации преступления являются детерминизм и смысловая определенность.

2. В рамках герменевтического дискурса аксиологический аспект в квалификации преступления отражает социально-правовую оценку созданного концепта практического применения уголовного закона. основополагающее значение в аксиологии квалификации преступления имеют принципы когнитивизма и эвиденции.

3. Гносеологический аспект квалификации преступления обеспечивается действием принципов объективности, познаваемости, отражения, творческой активности субъекта познания, обобщения и абстрагирования, восхождения от абстрактного к конкретному, конкретности истины.

4. В рамках герменевтической парадигмы познания процесс понимания имеет круговую структуру. Смысл нормы УК может быть выяснен лишь в соотношении с конкретной правовой ситуацией. Вместе с тем возникнувшая правовая ситуация может быть воспринята и понята лишь с помощью нормы УК и иных компонентов правовой реальности (принципов, правосознания, правоположений судебной практики и т.д.). Квалификатор, вовлеченный непосредственно в правовую ситуацию,

формирует решение об оценке содеянного, двигаясь по герменевтическому кругу, в котором частью является учиненное деяние, а целым – правовая ситуация.

5. Квалификация преступления – это осуществляемая по законам формальной логики и основанная на триединстве герменевтических процедур, основополагающих философско-методологических началах, принципе социальной справедливости, специальных принципах и правилах социально-правовой оценки общественно опасного деяния, которая характеризуется установлением и юридическим закреплением тождества выявленных признаков совершенного деяния признакам конкретного вида преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой.

6. В ракурсе концепции темпоральной онтологии права в возникнувшей правовой ситуации мы имеем дело с фактическим прошлым, в качестве которого выступает общественно опасное деяние, причинившее вред либо породившее угрозу причинения вреда правоохраняемым интересам. Правовые последствия совершенного деяния наступают в будущем в соответствующей форме и мере реализации уголовной ответственности. Для правоприменителя, решающего задачу по уголовно-правовой оценке содеянного, квалификация преступления в сложившейся правовой ситуации выступает настоящим, как ее «актуализация». В темпоральной структуре возникающих правовых ситуаций квалификация преступления является связующим звеном между прошлым (посягательством) и будущим (уголовной ответственностью).

7. К темпоральным основам квалификации преступления следует относить не только нормативные предписания о действии уголовного закона во времени, но и иные положения методологического свойства: временные границы совершения уголовно-противоправного деяния; правило преодоления темпоральной конкуренции уголовно-правовых норм; уголовно-правовые фикции, обусловленные сроками, установленными уголовным законом.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Хомич, В.М. Принцип нормализации базовых начал (институтов) уголовного закона и «новая» кодификация / В.М. Хомич // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее (посвящается 200-летию проекта Уголовного уложения 1813 года): материалы VIII Рос. конгресса уголов. права, 30–31 мая 2013 г. / отв. ред. В. Комиссаров. – М.: Юрлитинформ, 2013. – С. 656–659.
2. Кудрявцев, В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений / В.Н. Кудрявцев. – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1963. – 324 с.
3. Кудрявцев, В.Н. Общая теория квалификации преступлений / В.Н. Кудрявцев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 2004. – 304 с.

4. Лазарев, В.В. Истоки интегративного понимания права / В.В. Лазарев // Наш трудный путь к праву: материалы филос.-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсисянца / сост. В.Г. Графский. – М.: Норма, 2006. – С. 122–138.
5. Классическая и постклассическая методология развития юридической науки: сб. науч. тр. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь; редкол.: А.В. Савенок (пред.) [и др.]. – Минск: Акад. МВД, 2013. – 194 с.
6. Новейший философский словарь. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск: Интерпрессервис; Кн. Дом, 2001. – С. 310.
7. Золкин, А.Л. Философия права: учеб. для вузов, обуч. по спец. «Юриспруденция», «Философия права» / А.Л. Золкин. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – 350 с.
8. Максимов, С.И. Концепция правовой реальности / С.И. Максимов // Неклассическая философия права: вопросы и ответы. – Харьков: СПД ФО Тарасенко В.П., 2013. – С. 31–61.
9. Марчук, В.В. Применение уголовно-правовой нормы как практическая сторона понимания и толкования в процессе квалификации преступлений / В.В. Марчук // Правосудие и прокурорский надзор в Республике Беларусь: законодательство и практика применения: сб. науч. тр. / редкол.: А.В. Барков [и др.]. – Минск: БГУФК, 2010. – С. 141–148.
10. Гришанин, П.Ф. Пути укрепления законности в практике квалификации преступления / П.Ф. Гришанин // Сов. гос-во и право. – 1985. – № 1. – С. 49–58.
11. Кунафин, М.С. Принцип объективности: современная неклассическая интерпретация: автореф. ... дис. д-ра филос. наук: 09.00.01 / М.С. Кунафин; Башкир. гос. ун-т. – Уфа, 1999. – 40 с.
12. Марчук, В.В. О философской основе квалификации преступлений / В.В. Марчук // Философия права. – 2009. – № 1. – С. 103–107.
13. Юсупова, Ш.Б. Принцип отражения и проблема научного творчества: автореф. ... дис. канд. филос. наук: 09.00.01 / Ш.Б. Юсупова; Ин-т филос. и права им. И.М. Муминова. – Ташкент, 1980. – 17 с.
14. Мамедов, Р.М. Принцип отражения и научное познание: автореф. ... дис. канд. филос. наук: 09.00.01 / Р.М. Мамедов; Ин-т филос. и права АН АССР. – Уфа, 1987. – 16 с.
15. Сулейманов, Ф.М. Принцип конкретности истины: автореф. ... дис. канд. филос. наук: 09.00.01 / Ф.М. Сулейманов; Ин-т филос. и права АН КазССР. – Алма-Ата, 1982. – 19 с.
16. Макарова, З.В. О пользе «старых» представлений в уголовном процессе / З.В. Макарова // Уголовное право. – 2008. – № 4. – С. 99–102.
17. Кленова, Т.В. Противоречия Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов Российской Федерации: причины и проблема преодоления / Т.В. Кленова // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы Шестой междунар. науч.-практ. конф., 29–30 янв. 2009 г. / редкол.: А.И. Рарог (отв. ред.) [и др.]. – М.: Проспект, 2009. – С. 64–66.
18. Марчук, В.В. О логическом основании идентификации преступлений / В.В. Марчук // Право и демократия: сб. науч. тр. Вып. 20 / редкол.: В.Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2009. – С. 264–275.
19. Марчук, В.В. Практика квалификации преступлений в контексте соблюдения основных формально-логических законов / В.В. Марчук // Право и демократия: сб. науч. тр. Вып. 21 / редкол.: В.Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2010. – С. 218–237.
20. Марчук, В.В. Равенство перед законом и его реализация в уголовном праве / В.В. Марчук // Ценностная парадигма Основного закона Республики Беларусь: материалы респ. науч.-практ. конф., Минск, 14 марта 2013 г. / редкол.: Г.А. Василевич [и др.]. – Минск: Изд. центр БГУ, 2013. – С. 125–127.
21. Марчук, В.В. Понятие специального принципа квалификации преступлений и критерии его определения / В.В. Марчук // Актуальные вопросы совершенствования правовой системы на современном этапе: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 11–12 окт. 2012 г. – Минск: БГУ, 2012. – С. 195–197.
22. Стомба, А.В. Темпоральная онтология права / А.В. Стомба // Неклассическая философия права: вопросы и ответы. – Харьков: СПД ФО Тарасенко В.П., 2013. – С. 127–159.
23. Стомба, А.В. Правовая ситуация как исток бытия права / А.В. Стомба. – Харьков: ЛЛС, 2006. – 176 с.

Дата поступления статьи в редакцию 11.11.2013